

М.А. ПЕТРУХИНА

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДИЗАЙН И КОНСОЛИДАЦИЯ
ДЕМОКРАТИИ В СТРАНАХ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ**

Исследования совместимости различных типов конституционного дизайна и стабильного демократического развития в течение последних 20 лет проводились как на уровне теории, так и с привлечением широкого эмпирического материала и использованием количественных методов. Столь пристальный интерес нельзя назвать случайным: демократии третьей волны представляют широкое поле для исследования. Во-первых, страны, вставшие на путь демократического транзита в ходе третьей волны, различные по своим политическим, экономическим и социокультурным условиям, оказались связаны «общей судьбой», что дает возможность для сравнительного анализа как на региональном, так и на мировом уровне. Во-вторых, именно результат демократизации третьей волны поставил под сомнение саму идею демократического транзита, доминирующую в политической науке с середины 80-х годов. Как отмечал Томас Карозерс, «большинство стран третьей волны так и не пришли к хорошо функционирующей демократии... [они] не являются ни диктаторскими, ни безусловно продвигающимися к демократии. Они вступили в серую зону» [Карозерс, 2003, с. 48].

Именно отход режимов третьей волны демократизации от считавшейся непреложной схемы трансформации и стал триггером дискуссии о связи типов конституционного дизайна и демократии на «новейшем» этапе. Это исследование, не выходя за рамки сложившейся в научной среде дискуссии, предлагает несколько иной

угол зрения на проблему связи демократии и конституционного дизайна. Большинство существующих исследований изучают связь между типом конституционного дизайна и демократией вообще или стабильностью и «выживаемостью» режима (т.е. отсутствием переворотов и возвратом к авторитарному правлению). В то же время больший интерес может представлять вопрос о том, как тип конституционного дизайна влияет на консолидацию режима, потому что именно отсутствие консолидации может стать причиной отката от демократии или даже последующего падения демократического режима.

Данное исследование представляет собой попытку заполнить разрыв между теорией и практикой и предложить объяснение тому, что многие государства третьей волны демократизации оказались в «серой зоне» и не завершили начатый процесс транзита. Предполагаемым объяснением является выбор конституционного дизайна в момент начала трансформации и принятия новой демократической конституции.

В качестве проверяемой гипотезы выбрано ставшее классическим для дискуссии о типах конституционного дизайна и демократии утверждение Хуана Линца о том, что парламентские системы в большей степени, чем президентские способствуют устойчивому развитию демократии. Приняв это за отправную точку, можно продолжить логику Линца и предположить, что парламентаризм больше, чем президентство, способствует консолидации демократического режима.

Эмпирическое исследование будет проведено с помощью кластерного и регрессионного анализа, которые позволят оценить, можно ли говорить о влиянии конституционного дизайна на консолидацию демократии в государствах третьей волны.

В первой части кратко освещена теоретическая дискуссия о сравнительных достоинствах президентских и парламентских систем в их связи с демократией. Вторая часть посвящена операционализации исследуемых понятий. В третьей части представлены описание и результаты проведенного статистического исследования и выводы о том, можно ли выявить связь между институциональным устройством и процессом консолидации демократии в государствах третьей волны.

Связь конституционного дизайна и демократии

Хронологически дискуссию о типологических особенностях президентских и парламентских систем можно разделить на три этапа.

К первому этапу относятся ставшие на сегодняшний день классическими работы Линца [Линц, 1994], в которых впервые в явном виде высказана мысль о врожденных недостатках президентских систем и преимуществе парламентаризма. Тезисы Линца на примере более успешных президентских систем оспаривал Дональд Горовиц [Горовиц, 1994]. Альфред Степан и Сидни Скач [Stepan, Skach, 1993] теоретически предполагали, какое влияние может иметь конституционный дизайн на демократию. Все статьи этого периода отличаются узкотеоретическим подходом к исследованию связи между конституционным дизайном и демократической стабильностью: Линц и его ближайшие по времени «последователи» изучали исключительно конституционный дизайн, не учитывая другие факторы, влияющие на стабильность демократического режима. Единственной независимой переменной в их исследованиях был тип конституционного дизайна, понимавшийся исключительно формально.

Исследования второго этапа в этом смысле более разнообразны и разнородны: они рассматривают уже не только конституционный дизайн, но и особенности функционирования политической системы. Стабильность демократии на этом этапе также понимается более широко, появляются критерии оценки качества демократических институтов. Более комплексный подход к сравнению президентской и парламентской систем позволяет анализировать реальные, а не только теоретические достоинства систем и является шагом в направлении эмпирического анализа типов конституционного дизайна.

К этому типу работ можно отнести исследование Мэтью Шугарта и Джона Кэри [Шугарт, Кэри, 1997], которые в противовес большинству авторов описывают достоинства и относительные преимущества президентских систем. В работе Шугарта и Кэри президентство рассматривается уже не как монолитная система, а как совокупность многих институциональных характеристик, каж-

дая из которых по-своему влияет на функционирование системы в целом и на устойчивость демократии.

Скотт Мэйнвэринг [Mainwaring, 1993] исследует уже не столько президентство как тип, сколько его взаимодействие с другими институциональными характеристиками политической системы: партийной и электоральной системами. Антонио Чейбуб [Cheibub, 2007] в исследовании президентских и парламентских систем обращал внимание не только на существующий институциональный дизайн, но и на особенности функционирования предшествующего режима и пришел к любопытному, но не бесспорному выводу о том, что в наибольшей степени на продолжительность жизни президентских демократий влияет их «военное» прошлое.

Стивен Фиш [Fish, 2006] отмечал, что на консолидацию демократии в большей степени влияет не чистый тип конституционного дизайна, а относительная «сила» или «слабость» законодательного органа власти. Шугарт и Кэри [Шугарт, Кэрри, 2006] писали о зависимости между «выживаемостью» демократии и объемом полномочий, которыми наделен президент. Аренд Лейпхарт [Лейпхарт, 1995] изучал связь между стабильностью демократии, типом конституционного дизайна и избирательной системой, рекомендуя новым демократиям парламентаризм в сочетании с пропорциональной избирательной системой. Сразу несколько авторов исследовали связь между продолжительностью жизни демократических режимов, типом конституционного дизайна и степенью коалиционности правительства [Cheibub, Limongi, 2002; Стром, 2006; Фигейредо, Лимонджи, 2006]. Антонио Валенсуэла [Валенсуэла, 1994] и Джо Фауэррейкер [Фауэррейкер, 2006] объясняли относительную «недолговечность» президентских демократий их сосредоточенностью в Латинской Америке и внутренними особенностями политического процесса в регионе.

На третьем этапе расширился арсенал методов исследования, список исследуемых тем еще дальше отошел от чистых типов дизайна, понимание демократии стало максималистским. Часть работ этого периода представляет исследования типов институционального дизайна, поиск ответа на вопрос, сколько типов дизайна существует, и какими характеристиками они отличаются [Siaroff, 2003; Elgie, 2007; Roper, 2008].

Камерон, Бланару и Бернс [Cameron, Blanaru, Burns, 2006] исследовали зависимость между типом конституционного дизайна, демократией и правовым государством, обращая внимание на то, что демократии больше вредит не собственно президентство, а отсутствие верховенства закона и преобладание неформальных практик в политическом процессе. Фауэрейкер и Крзнарик [Foweraker, Krznaric, 1999] выявляли связь между конституционным дизайном и качеством демократии. Геринг, Такер и Морено [Gerring, Thacker, Moreno, 2009] эмпирически проверяли оригинальную гипотезу Линца о превосходстве парламентских систем и их большем соответствии демократии. Крауэл [Krouwel, 2000] посвятил свою работу сравнительному анализу политических систем Центральной и Восточной Европы, образовавшихся в результате распада коммунистического блока.

Отдельные исследования посвящены полупрезидентским демократиям и анализу их достоинств и недостатков применительно к стабильности демократических режимов. Элджи [Elgie, 2007] изучал влияние полупрезидентских систем на консолидацию новых демократий. Магалаеш и Фортеш [Magalhaes, Fortes, 2005] рассматривали степень значимости президентских выборов в различных полупрезидентских системах. Ропер [Roper, 2002] исследовал влияние на консолидацию демократии различных типов полупрезидентских систем.

Консолидация демократии

Операционализация такого комплексного и противоречивого понятия, как консолидация демократии представляет определенные сложности. Процессы консолидации: стабилизация институтов, приверженность акторов новой демократической системе, заслон против авторитарных откатов – носят в значительной степени оценочный характер и не поддаются прямому количественному измерению. Для того чтобы можно было выразить критерии консолидации количественно, необходимо сначала выразить их в более явном качественном виде – в форме конкретных критериев, позволяющих оценить степень консолидации режима. Оптимальным средством для этого представляется разработанная Хуаном Линцем и Альфре-

дом Степаном в статье «Навстречу консолидированным демократиям» [Linz, Stepan, 1996] концепция пяти арен консолидации.

Линц и Степан предложили максималистский подход к процессу консолидации, условно разделив его на пять взаимосвязанных и взаимодополняющих сфер, или арен. Для того чтобы демократия могла считаться полностью консолидированной, должны быть консолидированы все пять арен. Такое разделение представляется крайне удачным для целей данного исследования, так как в значительной степени упрощает операционализацию консолидации, не редуцируя ее при этом к более простым понятиям. Консолидация демократического режима, по мнению Линца и Степана, подразумевает появление в обществе таких специфически демократических феноменов, как гражданское общество, политическое сообщество, верховенство закона, эффективная бюрократия и институционализированное экономическое сообщество [Linz, Stepan, 1996, p. 17].

Приняв за основу концепцию пяти арен консолидации Линца и Степана, можно операционализировать понятие консолидации, выделив измерительные критерии в каждой из пяти арен.

В соответствии с целью исследования интересно было бы использовать тип конституционного дизайна в качестве предиктора регрессионной модели, т.е. посмотреть, оказывает ли он влияние на факторы консолидации – использовать для этого переменную в номинальной шкале (а только так можно количественно выразить тип конституционного дизайна) невозможно. Для преодоления этой сложности в качестве показателя конституционного дизайна в регрессии будет использован рассчитанный Стивеном Фишем индекс парламентских полномочий. Выделив 32 параметра парламентского влияния на политический процесс, Фиш [Fish, Kroening, 2009] разработал индекс, рассчитав его значение как долю реальных полномочий от их общего числа. Преимущество данного индекса в том, что он рассчитан не на основе экспертных оценок или множества разнородных показателей, а только на основе конституции различных государств. Таким образом, он представляет собой достаточно формальное отражение конституционного дизайна, включающее минимальное количество случайных факторов, и хорошо соотносится с целью данного исследования.

Для измерения арены гражданского общества будут использованы индексы «структуры» и «влияния» гражданского общества, разработанные организацией CIVICUS, занимающейся оценкой и измерением качества гражданского общества во многих странах мира. Третьим критерием измерения гражданского общества будет «свобода ассоциаций и собраний» (один из критериев оценки политического участия) по версии индекса Бертельсмана.

Для измерения арены политического сообщества также будет использован критерий, взятый из индекса Бертельсмана: критерий «политическое сообщество», который включает в себя оценку свободы и честности проведения выборов, способность к политическому управлению, свободу ассоциаций и собраний и свободу самовыражения граждан. В качестве еще одного критерия консолидации политического сообщества выбран индекс эффективных партий Лааксо-Таагаперы, рассчитанный по результатам распределения голосов среди партий, прошедших в парламент на ближайших по времени прошедших парламентских выборах. На основании анализа теоретической дискуссии можно предположить, что для консолидированного демократического режима наиболее благоприятным является количество эффективных партий в пределах от полутора до четырех: явное доминирование одной партии означает наличие авторитарных тенденций, в то время как число эффективных партий, превосходящее четыре, указывает на высокую степень партийной фрагментации, также плохо совместимую с консолидированным демократическим режимом.

Для измерения консолидации арены верховенства права будет использован единственный критерий – индекс верховенства права, рассчитываемый Всемирным банком на основе агрегирования множества различных доступных индексов. Этот индекс учитывает различные факторы восприятия и соблюдения законов и правопорядка в обществе, то, насколько деятельность государства, граждан, бизнеса и общественных организаций подчинена правовым нормам. Для этой арены выделен всего один критерий операционализации, потому что при расчете индекса Всемирного банка используются все другие доступные оценки верховенства права, и ввод дополнительных критериев явно означал бы двойной счет, которого необходимо избегать.

Для измерения четвертой арены – эффективной бюрократии – в первую очередь будет использован индекс воспринимаемой коррупции, ежегодно рассчитываемый организацией «Международная транспарентность» на основе опросов в большинстве стран мира. Также для измерения консолидации этой арены будет использован критерий «эффективности распределения ресурсов» из индекса Бертельсмана. Это один из комплексных индексов качества управления, учитывающий эффективность использования денежных средств, способность к координации политического курса и эффективность проводимой антикоррупционной политики. Для измерения качества системы сбора налогов, которую Линц и Степан считали ключевым фактором эффективного функционирования административного аппарата, будет использован критерий «количество налогов» Всемирного банка. Он оценивает, сколько налогов в год должны заплатить бизнес-структуры. Предполагается, что в стабильной и эффективно функционирующей налоговой системе число налогов должно быть относительно небольшим: если государство вынуждено вводить большое число налогов, это является признаком того, что оно не получает налоговые поступления в желаемом объеме и пытается увеличить доходы бюджета за счет введения новых налогов.

Наконец, пятая арена – экономическое сообщество – будет измерена с помощью критериев, которые показывают степень институционализации отношений между государством и рынком. Для оценки консолидации экономического сообщества будет использован критерий, разработанный Всемирным экономическим форумом в рамках проекта «Соревновательность в мире». Критерий «институты» является одним из критериев оценки соревновательности экономики государства, он учитывает качество институтов, обеспечивающих взаимодействие государства и рынка. Также для измерения консолидации экономического сообщества будет использован критерий «защита прав собственности» индекса Бертельсмана. Он выбран для исследования потому, что соблюдение прав собственности считается одним из важнейших условий демократического развития еще со времен Гоббса и Локка. В то же время авторитарное наследие новых демократий может представлять угрозу собственности как граждан, так и бизнеса.

Влияние конституционного дизайна на консолидацию демократии

На основании анализа теоретической дискуссии была сформулирована гипотеза о большем соответствии парламентаризма требованиям консолидации демократии. Переводя эту гипотезу на язык введенных в предыдущем разделе количественных показателей, будем ожидать, что в государствах с большей степенью парламентаризма (т.е. в тех, где выше значение индекса парламентских полномочий Фиша) значения критериев консолидации также окажутся более высокими. Статистическое исследование исходит из предположения о прямой зависимости между зависимой и независимой переменными.

Прежде чем проводить регрессионный анализ, чтобы выявить связь типа конституционного дизайна (уровня парламентаризма) и выбранных критериев консолидации, можно провести более простой тест, позволяющий грубо оценить уровень консолидированности демократии в государствах с различными типами конституционного дизайна, – кластерный анализ. Этот метод позволяет сгруппировать государства с наиболее близкими значениями всех показателей и предположить наличие или отсутствие связи между исследуемыми параметрами. Так, например, если в один из кластеров попадут исключительно президентские или исключительно парламентские системы, можно будет уже с определенной долей уверенности предположить, что процесс, особенно результат консолидации демократии зависит от выбранного типа конституционного дизайна.

Поскольку кластерный анализ представляет собой не очень устойчивый механизм, исключительно чувствительный к различного рода выбросам, имеет смысл проводить кластеризацию не только по всем 11 выделенным критериям, рассматривая консолидацию в целом, но и по отдельным аренам, чтобы проверить полученные результаты. Предварительные результаты будут заслуживать доверия, только если они будут одинаковыми (или по крайней мере однородными) для отдельных арен. Для дополнительной проверки устойчивости результатов выделим с помощью каждого из методов сначала три (предположив полное соответствие этой

группировки типам конституционного дизайна), а затем пять кластеров.

Из таблиц распределения государств по кластерам, представленных в приложении 1, можно сделать три принципиально важных вывода. Во-первых, результаты относительно устойчивы: кластеризация по методу Евклидовых расстояний и методу расстояний Чебышева дает абсолютно одинаковые результаты, причем для случаев выделения как трех, так и пяти кластеров. Использование метода блочных расстояний дает немного отличные результаты при выделении трех кластеров. Несмотря на это отклонение, значительных различий, которые говорили бы о принципиальной неоднородности исследуемых переменных, при применении различных методов кластеризации не наблюдается, что позволяет продолжать выбранную линию исследования.

Во-вторых, размеры кластеров сильно различаются: так, в первый кластер из трех попало девять наблюдений, во второй – 17 и в третий – три. Та же логика сохраняется и при разбиении на пять кластеров: выделены три кластера, включающие в себя девять, семь и 10 наблюдений, и два кластера, каждый из которых состоит из единственного наблюдения. Это говорит о наличии значительных выбросов – государств, резко отклоняющихся от общей линии и, соответственно, о недостаточности кластерного анализа политического процесса этих государств.

В-третьих, можно заметить определенную связь разбиения с типами конституционного дизайна. Например, ни в один из «первых» кластеров не попали парламентские республики, напротив, ни в одном из «последних» кластеров нет государств с президентским типом дизайна, хотя встречаются и парламентские, и полупрезидентские.

Аналогичные, хотя и не полностью совпадающие с этими, разбиения были получены и при кластеризации государств по отдельным аренам консолидации. Самое принципиальное отличие состоит в том, что для отдельных арен наблюдается больший разброс дизайнов по кластерам. С другой стороны, относительная устойчивость результатов при использовании различных методов подсчета расстояний и регистрация выбросов (т.е. разбиений, в которых относительно большие кластеры соседствуют с кластера-

ми, включающими одно-два наблюдения) сохраняются и для разбиения по отдельным аренам.

С помощью регрессионного анализа предполагается выявить влияние конституционного дизайна на консолидацию демократии, поэтому независимой переменной (предиктором) модели будет индекс парламентских полномочий. В связи с этим возникает дополнительная сложность: в модели может быть только одна зависимая переменная. Таким образом, в качестве критериев консолидации может быть использована только одна переменная. Однако можно попробовать создать индекс консолидации демократии, «свернув» имеющиеся критерии с помощью метода главных компонент, который часто используется для создания различных индексов.

Применение метода главных компонент на исследуемых критериях дало любопытный и несколько неожиданный результат: «свернуть» данные в единый индекс, несмотря на выявленную значимую связь параметров, оказалось невозможно. Параметры оказались более разнородными, чем можно было предположить на основании оценки их линейной связи, поэтому был рассчитан не один, а три индекса консолидации, причем даже при использовании всех трех индексов доля учтенной информации будет составлять всего около 78% (определяется это с помощью коэффициента детерминации метода). Первый из компонентов, соответственно, учитывает значительно меньше информации о различных признаках консолидации (около 53%). Такой результат, на первый взгляд, может показаться контринтуитивным, однако он вполне соответствует логике проведенного ранее кластерного анализа: критерии консолидации, несмотря на свою связь, довольно сильно и хаотически различаются по значениям, что значительно затрудняет их анализ.

Очевидно, что подобный индекс совершенно не пригоден для выявления связи конституционного дизайна и демократии, поскольку он сохраняет слишком малую часть информации об исследуемых переменных. Таким образом, оставшийся путь – это выявление связи отдельных критериев консолидации с конституционным дизайном. Несмотря на то, что полученные таким образом результаты будут значительно сложнее для интерпретации, они покажут, есть ли хотя бы теоретическая связь между исследуемыми переменными. На основании такого анализа нельзя будет однозначно сказать, влияет

ли конституционный дизайн на консолидацию демократии, но можно будет приблизительно оценить его влияние на отдельные важные параметры этого процесса.

Проведенный с помощью линейного и квадратичного метода регрессии анализ дал совсем уж неожиданные результаты: для всех построенных моделей доля объясненной закономерности связи – коэффициент детерминации R^2 – составляет не более 0,55 (для критерия эффективность управления из индекса Бертельсмана), а для многих моделей не достигает и 0,1. Таблица, в которой приведены коэффициенты детерминации для всех моделей, представлена в приложении 2. Столь низкие коэффициенты детерминации говорят о том, что между исследуемыми показателями не обнаружено ни линейной, ни квадратичной связи – результат, идущий вразрез со ставшей уже традиционной точкой зрения о том, что парламентаризм больше подходит для демократического развития.

На графиках построенных регрессионных моделей, представленных в приложении 3, можно заметить, что очевидной причиной неудовлетворительных результатов является значительный разброс данных. Даже при визуальном анализе рассеивания значений нетрудно заметить, что критерии консолидации и индекс парламентских полномочий изменяются несогласованно: ни для одного из критериев нельзя утверждать, что большей степени парламентаризма однозначно соответствует большее значение критерия консолидации. Хотя бы относительная связь показателей заметна для критериев индекса Бертельсмана и индекса верховенства права Всемирного банка – и эти же связи характеризуются более высокими коэффициентами детерминации, но и в этих случаях говорить о связи, тем более о зависимости показателей, было бы преждевременно.

Если предполагаемой причиной, объясняющей отсутствие связи между переменными, является слишком большой разброс значений, имеет смысл сделать пространство исследуемых величин более однородным. Для этого вернемся к результатам проведенного ранее кластерного анализа. Очевидно, что разброс значений в рамках одного кластера будет принципиально меньше, чем во всей выборке. При этом важно понимать, что, поскольку круг исследуемых государств и так не очень велик, нужно сохранить как можно больше наблюдений, чтобы результаты регрессии были

хоть сколько-нибудь достоверными. Проведем регрессию повторно, учитывая данные только для тех стран, которые попали во второй из трех кластеров, рассчитанных по методу Евклидовых расстояний и расстояний Чебышева (список стран, попавших в этот кластер, представлен в приложении 1). Различия в значениях критериев консолидации в этих странах относительно невелики, в данных не должно содержаться резких выбросов.

Повторно проведенное линейное и квадратичное регрессионное моделирование на отфильтрованных данных не дало принципиально отличных результатов: коэффициенты детерминации новых моделей не только не выросли, но даже напротив, ощутило снизилось и стали совершенно точно недостаточными для того, чтобы делать выводы о наличии значимой связи между переменными. (Коэффициенты детерминации повторно проведенных регрессионных моделей представлены во второй таблице в приложении 2.) Проблема, связанная с сильным разбросом данных, сохранилась, даже в некоторой степени обострилась: поскольку число исследуемых случаев снизилось, различия между ними стали еще более остро заметными и характерными. На меньшем по объему массиве данных отчетливо видно, что двум «соседним» значениям Индекса парламентских полномочий могут соответствовать (и чаще всего соответствуют) совершенно различные, иногда диаметрально противоположные, значения критериев консолидации. В графиках обновленных регрессионных моделей, представленных в приложении 4, заметно, как велики колебания между соседними показателями: на основании таких результатов анализа делать обоснованные выводы о связи между переменными невозможно.

Выводы

Использование статистических методов выявления связи между конституционным дизайном и консолидацией демократии привело к неожиданным и несколько обескураживающим результатам. С одной стороны, результаты регрессионного анализа скорее поддерживают проверяемую гипотезу о преимуществах парламентаризма для демократического развития. При этом построенные регрессионные модели лишь в очень малой степени объясняют изменчивость исследуемых переменных.

С другой стороны, проведенное исследование показало, что государства третьей волны демократизации очень различны в уровне консолидации демократии. Даже более интересным, чем отсутствие ожидаемой связи между конституционным дизайном и консолидацией демократии, стало то, что эмпирические данные не подтверждают изначальное предположение об «общей судьбе» государств третьей волны, напротив, характер рассеивания показателей консолидации говорит о существенных различиях в значении критериев. В пользу этого же свидетельствуют и результаты кластерного анализа: принципиальные различия в количестве государств, попавших в разные кластеры, и разброс по кластерам государств с разными типами конституционного дизайна. Именно по причине довольно резких различий в значениях критериев консолидации государств третьей волны демократизации оказалось невозможным составление единого индекса консолидации: несмотря на высокую степень корреляции выделенных критериев, разброс их значений не позволил обобщить все признаки и свести их к одному показателю. Другими словами, значения критериев консолидации в одной стране достаточно однородны, чтобы можно было выявить связь между различными показателями, но разброс этих значений для отдельных стран настолько велик, что не позволяет предложить коэффициенты, с помощью которых можно было бы свести все эти критерии в один индекс.

Данное исследование не было ориентировано на объяснение конкретных удач и неудач демократического транзита демократий третьей волны – скорее на выявление некоторых общих системных особенностей типов конституционного дизайна, которые могут способствовать или, наоборот, препятствовать установлению стабильного демократического правления.

Очевидно, за двадцатилетие, прошедшее с тех пор, как государства третьей волны вступили на путь демократического транзита, логика их развития была настолько различной, что их нынешнее состояние не позволяет рассматривать их как некое даже условно единое пространство. В такой ситуации естественным выглядит предположение о том, что ведущую роль в политическом процессе государств третьей волны демократизации, особенно в тех сферах, которые оцениваются в широких и трудно определенных рамках политической консолидации, играют не формальные

институциональные ограничения, а совершенно другие, вероятнее всего самобытные для большинства стран, практики. С этой точки зрения процесс консолидации демократии в государствах третьей волны имеет смысл изучать на примере отдельных, а не межстрановых исследований, выявляя внутреннюю логику функционирования политической системы.

Несмотря на то, что главная цель исследования – выявление связи типов конституционного дизайна и консолидации демократии – не была в полной мере достигнута, его результаты все же предоставляют ряд важных наблюдений, которые могут быть исследованы в дальнейшем.

Во-первых, сама идея того, что тип конституционного дизайна может быть использован в качестве предиктора, т.е. независимой переменной, регрессионной модели, расширяет возможности будущих сравнительных исследований в области связи институтов и качества демократии. Разработанный Стивеном Фишем индекс парламентских полномочий позволяет выразить тип конституционного дизайна количественно, измерить, а не просто зафиксировать его. Используя метод, примененный в ходе данного исследования, можно изучать влияние конституционного дизайна на другие показатели демократичности режима или на другие его политические характеристики. Таким образом, можно будет выявить влияние институционального устройства на политический процесс и реальные практики государств и оценить успешность практической реализации формальных установлений.

Во-вторых, предложенные критерии операционализации консолидации демократии могут быть использованы в дальнейших исследованиях. Выделение не просто отдельных критериев консолидации, а разбиение их на отдельные арены расширяет перспективы сравнительного анализа консолидации. Этот комплексный социально-политический процесс представляет исключительный интерес для исследований, поскольку именно на стадии консолидации особенно часто приостанавливается или вовсе меняет направление демократический транзит. Разделение процесса консолидации на пять арен предлагает более тонкий и чувствительный механизм анализа этого процесса, применение которого может объяснить причины успехов и неудач демократических транзитов в отдельных регионах и, возможно, даже в отдельных государствах.

В рамках арен, предложенных Линцем и Степаном (и руководствуясь оригинальными характеристиками этих арен), можно предложить дополнительные критерии, которые, возможно, будут обладать большим объясняющим потенциалом.

В-третьих, вполне справедливым представляется предположение о том, что даже в неизменном виде использованная в данном исследовании модель может дать более значимые и содержательные результаты, если применить ее на большей по объему выборке. Рост количества наблюдаемых значений сделает выборку более репрезентативной и, предположительно, более однородной, что, в свою очередь, позволит получить более устойчивые и значимые результаты.

Список литературы и источников

- Валенсуэла А.* Латинская Америка: Кризис президентской власти // Пределы власти. – М., 1994. – № 1. – С. 73–85.
- Горовиц Д.Л.* Различия демократий // Век XX и мир. – М., 1994. – № 7–8. – С. 28–35.
- Карозерс Т.* Конец парадигмы транзита // Политическая наука. – М., 2003. № 2. – С. 42–65.
- Лейпхарт А.* Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. – М., 1995. – № 2. – С. 135–146.
- Линц Х.Дж.* Достоинства парламентаризма // Пределы власти. – М., 1994. – № 2–3. – С. 41–51.
- Линц Х.Дж.* Опасности президентства // Пределы власти. – М., 1994. – № 2–3. – С. 3–24.
- Стром К.* Правительства меньшинства в парламентских демократиях: Рациональность невыигрышных решений о поддержке кабинета // Теория и практика демократии. Избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. – С. 239–249.
- Фауэрхейке Дж.* Институциональное проектирование, партийные системы и управляемость: Дифференциация президентских режимов в Латинской Америке // Теория и практика демократии. Избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. – С. 250–256.
- Фигейредо А.Ч., Лимонджи Ф.* Президентская власть, законодательное устройство и поведение партий в Бразилии // Теория и практика демократии. Избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. – С. 257–263.

- Чейбуб Х.А.* Правительства меньшинства ситуации взаимоблокирования и долговечность президентских демократий // Теория и практика демократии. Избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. – С. 233–238.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
- Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. – М., 1996. – № 5. – С. 16–31.
- Шугарт М.С., Кэри Дж.М.* Президентские системы // Современная сравнительная политология. – М.: Юрист, 1997. – С. 198–246.
- Шугард М.С., Кэрри Дж.* Президенты и законодательные собрания // Теория и практика демократии. Избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. – С. 228–232.
- Cameron M.A., Blararu A.-M., Burns L.M.* Constitutional frameworks and the rule of law: Perils of crony presidentialism. – June 2005. – Mode of access: http://www.politics.ubc.ca/fileadmin/user_upload/poli_sci/Faculty/cameron/Constitutions.pdf (Дата обращения: 5.6.2012.) – 37 p.
- Cheibub J.* Why are presidential democracies fragile? // Cheibub J. Presidentialism, parliamentarism, and democracy. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – P. 136–164.
- Cheibub J., Limongi F.* Democratic institutions and regime survival: Parliamentary and presidential democracies reconsidered // Annual review of political science. – Palo Alto, CA, 2002. – N 5: – P. 151–79.
- Elgie R.* Varieties of semi-presidentialism and their impact on nascent democracies // Taiwan journal of democracy. – Taipei, 2007. – Vol. 3, N 2. – P. 53–71.
- Fish M.S., Kroenig M.* The the parliamentary powers index // The handbook of national legislatures: A global survey. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2009. – P. 13–15.
- Fish M.S.* Stronger legislatures, stronger democracies // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2006. – Vol. 17, N 1. – P. 5–20.
- Foweraker J., Krznaric R.* Constitutional design and comparative democratic performance / Univ. of Essex, Department of government, 1999. – 23 p.
- Gerring J., Thacker S.C., Moreno C.* Are parliamentary systems better? // Comparative political studies. – Beverly Hills, CA, 2009. – Vol. 42, N 3. – P. 327–359.
- Heinrich V.F.* Assessing and strengthening civil society worldwide. A project description of the CIVICUS civil society index: a participatory needs assessment & action-planning tool for civil society // CIVICUS Civil society index paper series. – 2004. – Vol. 2, N 1. – 64 p. – Mode of access: <https://www.civicus.org/view/media/CSIAssessingandStrengtheningCivilSocietyWorldwide.pdf> (Дата обращения: 5.5.2012.)
- Krouwel A.* The presidentialisation of East-Central European countries: Paper at ECPR joint sessions workshop on the presidentialisation of parliamentary democracies. – Copenhagen, April, 2000.

- Linz J., Stepan A.* Toward consolidated democracies // Journal of democracy. – Baltimore, 1996. – Vol. 7, N 2. – P. 14–33.
- Mainwaring S.* Presidentialism, multipartism and democracy: The difficult combination // Comparative political studies. – Beverly Hills, CA, 1993. – Vol. 26, N 2. – P. 198–228.
- Magalhaes P.C., Fortes B.G.* Presidential elections in semi-presidential regimes: Presidential powers, electoral turnout and the performance of government-endorsed candidates / Social sciences institute of the University of Lisbon, 2005. – 49 p.
- Merkel W.* Democratic transition and consolidation: Myths and realities: Paper at concurrent session on the 17 th World congress of IPSA. – Institute of East and West Studies, Yonsei University. – August, 1997. – 39 p.
- Roper S.D.* Are all semipresidential regimes the same? A comparison of premier-presidential regimes // Comparative politics. – Chicago, Ill, 2002. – Vol. 34, N 3. – P. 253–272.
- Schedler A.* What is democratic consolidation? // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 1998. – Vol. 9, N 2. – P. 91–107.
- Siaroff A.* Comparative presidencies: The inadequacy of the presidential, semi-presidential and parliamentary distinction // European journal of political research. – 2003. – Vol. 42. – P. 287–312.
- Stepan A., Skach S.* Constitutional frameworks and democratic consolidation: Parliamentarianism versus presidentialism // World politics. – Washington, D.C., 1993. – Vol. 46, N 1. – P. 1–22.

Источники эмпирических данных

- Индекс верховенства права Всемирного банка = Worldwide governance indicators. – Mode of access: http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf_country.asp (Дата посещения: 21.03.2012.)
- Индекс воспринимаемой коррупции проекта «Международная прозрачность» = Corruption Perceptions Index 2011. – Mode of access: <http://cpi.transparency.org/cpi2011/results/> (Дата посещения: 21.03.2012.)
- Индекс трансформаций Бертельсмана = Transformation Index BTI. – Mode of access: <http://www.bti-project.de/?&L=1> (Дата посещения: 21.03.2012.)
- Индикаторы гражданского общества проекта CIVICUS = CSI Indicator Database. – Mode of access: <https://www.civicus.org/what-we-do/cross-cutting-projects/csi/csi-indicator-database> (Дата посещения: 21.03.2012.)

Количество взимаемых налогов (данные Всемирного банка) = Tax payments (number). – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/IC.TAX.PAYM> (Дата посещения: 21.03.2012.)

Проект «Соревновательность в мире» Всемирного экономического форума = The Global Competitiveness Report 2010–2011. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf. (Дата посещения: 21.03.2012.)

Результаты выборов: Данные проекта «Электоральная география». Электоральная география 2.0. – Mode of access: <http://www.electoralgeography.com/new/ru/elections> (Дата посещения: 21.03.2012.)

Приложение 1

Разделение государств на кластеры по критериям консолидации

Страна ¹	Дизайн	3 кластера		
		Евклидово расстояние	Расстояние Чебышева	Блочное расстояние
1	2	3	4	5
1: Азербайджан	президентство	1	1	1
4: Аргентина	президентство	1	1	1
8: Боливия	президентство	1	1	1
13: Гватемала	президентство	1	1	1
14: Гондурас	президентство	1	1	1
32: Непал	полупрезидентство	1	1	1
33: Нигерия	президентство	1	1	1
42: Россия	полупрезидентство	1	1	1
62: Эквадор	президентство	1	1	1
5: Армения	президентство	2	2	1
46: Сербия	парламентаризм	2	2	1
20: Индонезия	президентство	2	2	1
27: Македония	парламентаризм	2	2	1
30: Монголия	парламентаризм	2	2	1
59: Черногория	президентство	2	2	1
7: Болгария	парламентаризм	2	2	2
17: Грузия	президентство	2	2	2
19: Египет	полупрезидентство	2	2	2
40: Польша	полупрезидентство	2	2	2
48: Словения	парламентаризм	2	2	2
53: Турция	парламентаризм	2	2	2

¹ То, что в результаты кластеризации попали не все государства третьей волны демократизации, объясняется неполнотой данных. Наиболее ограничен список стран, для которых рассчитываются данные индекса CIVICUS: данные по оценке гражданского общества представлены только для 28 из 65 государств, в этом случае именно они распределяются по кластерам.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
56: Уругвай	президентство	2	2	2
58: Хорватия	парламентаризм	2	2	2
60: Чехия	парламентаризм	2	2	2
61: Чили	президентство	2	2	2
65: Южная Корея	президентство	2	2	2
43: Румыния	парламентаризм	3	3	3
55: Украина	полупрезидентство	3	3	3

Страна	Дизайн	5 кластеров		
		Евклидово расстояние	Расстояние Чебышева	Блочное расстояние
1	2	3	4	5
1: Азербайджан	президентство	1	1	1
4: Аргентина	президентство	1	1	1
8: Боливия	президентство	1	1	1
13: Гватемала	президентство	1	1	1
14: Гондурас	президентство	1	1	1
32: Непал	полупрезидентство	1	1	1
33: Нигерия	президентство	1	1	1
42: Россия	полупрезидентство	1	1	1
62: Эквадор	президентство	1	1	1
5: Армения	президентство	2	2	2
20: Индонезия	президентство	2	2	2
27: Македония	парламентаризм	2	2	2
30: Монголия	парламентаризм	2	2	2
46: Сербия	парламентаризм	2	2	2
59: Черногория	президентство	2	2	2
56: Уругвай	президентство	2	2	3
7: Болгария	парламентаризм	3	3	3
17: Грузия	президентство	3	3	3
19: Египет	полупрезидентство	3	3	3

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
40: Польша	полупрезидентство	3	3	3
48: Словения	парламентаризм	3	3	3
53: Турция	парламентаризм	3	3	3
58: Хорватия	парламентаризм	3	3	3
60: Чехия	парламентаризм	3	3	3
61: Чили	президентство	3	3	3
65: Южная Корея	президентство	3	3	3
43: Румыния	парламентаризм	4	4	4
55: Украина	полупрезидентство	5	5	5

Приложение 2

Доля факторов, объясненных регрессионной моделью

Модели, в которых использовались данные
для всех исследуемых государств

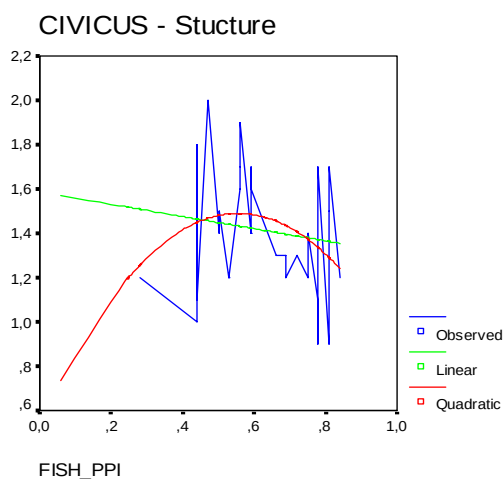
Зависимая переменная ¹	Тип модели	
	Линейная	Квадратичная
CIVICUS Структура гражданского общества	0,0207	0,0809
CIVICUS Влияние гражданского общества	0,0553	0,1574
БИ Уровень интеграции гражданского общества	0,4879	0,5049
Уровень воспринимаемой коррупции	0,1950	0,2071
БИ Эффективность управления	0,5358	0,5481
Количество взимаемых налогов	0,0117	0,0572
Индекс Лааксо–Таагеперы	0,0572	0,1049
БИ Политическое участие	0,4193	0,5125
Индекс верховенства права	0,3121	0,3240
БИ защита прав собственности	0,3440	0,3440
GCI Качество институтов	0,0660	0,0721

¹ В качестве независимой переменной во всех моделях был использован Индекс парламентских полномочий.

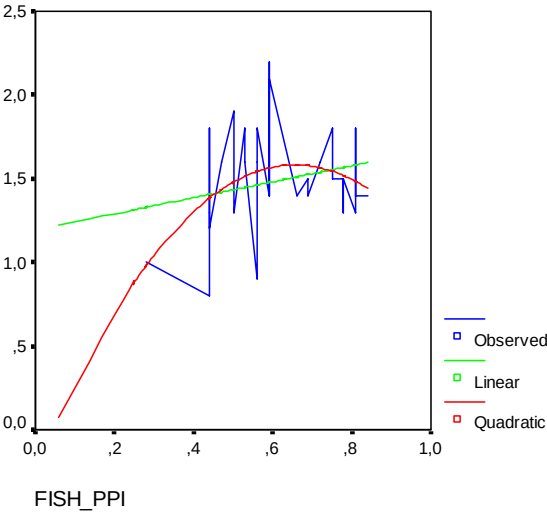
**Модели, в которых использовались данные для государств,
попавших во второй кластер консолидации**

Зависимая переменная	Тип модели	
	Линейная	Квадратичная
CIVICUS Структура гражданского общества	0,0292	0,1533
CIVICUS Влияние гражданского общества	0,0847	0,1910
БИ Уровень интеграции гражданского общества	0,2658	0,3404
Уровень воспринимаемой коррупции	0,0083	0,1026
БИ Эффективность управления	0,2723	0,3479
Количество взимаемых налогов	0,0030	0,0424
Индекс Лааксо–Таагеперы	0,0275	0,0875
БИ Политическое участие	0,3661	0,4917
Индекс верховенства права	0,0040	0,0134
БИ защита прав собственности	0,0487	0,0666
GCI Качество институтов	0,0901	0,0967

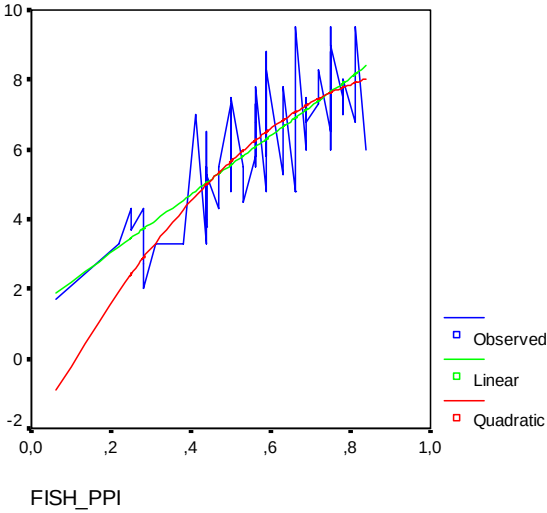
Приложение 3
Регрессионные модели. Во всех моделях в качестве предиктора
использован Индекс парламентских полномочий
Стивена Фиша, а в качестве отклика – исследуемые
критерии консолидации

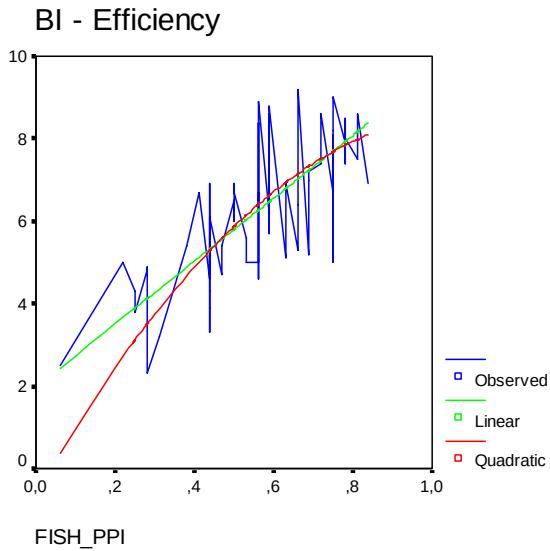
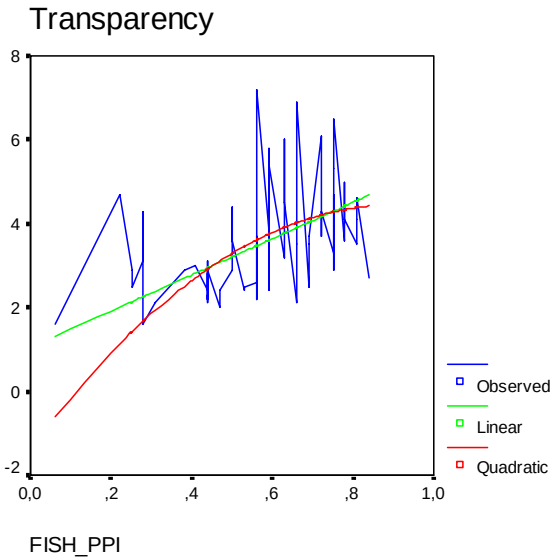

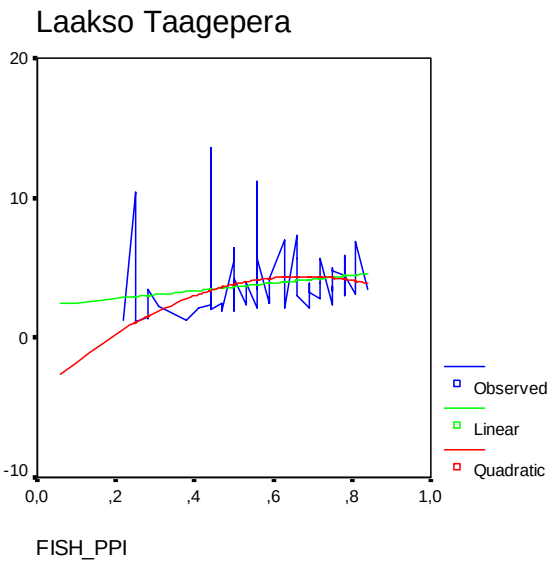
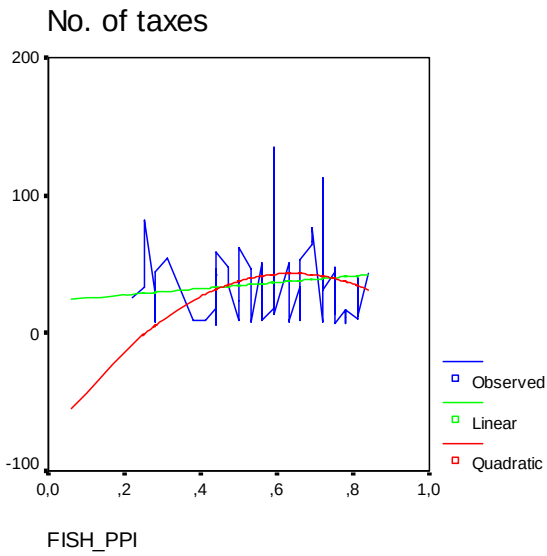
CIVICUS - Impact

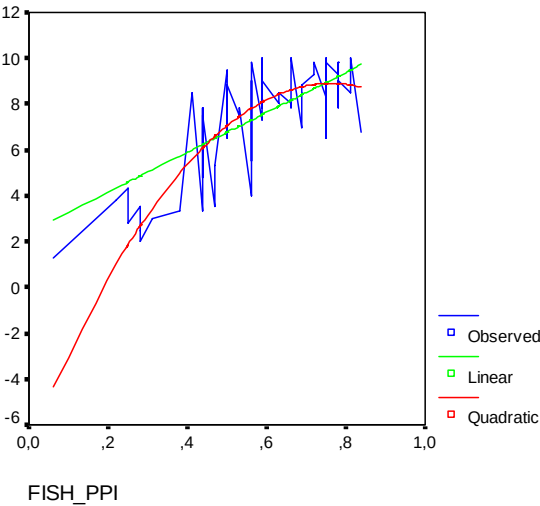
BI - Integration

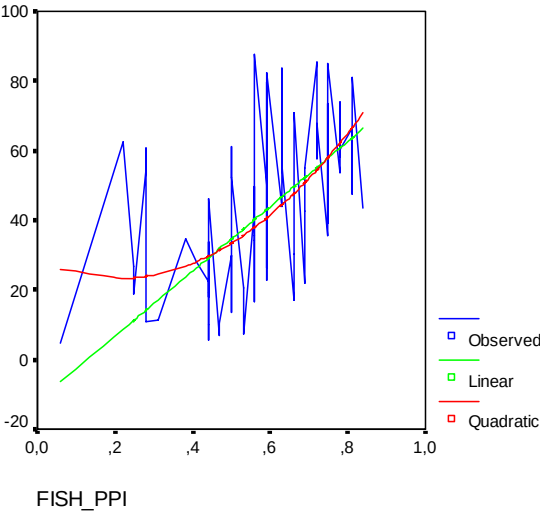

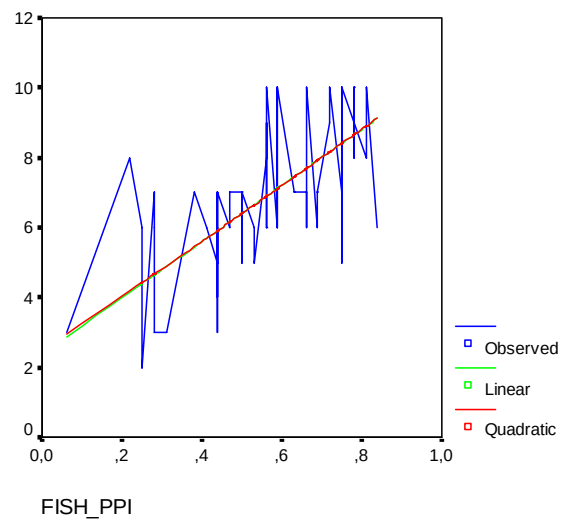
BI - Political participation

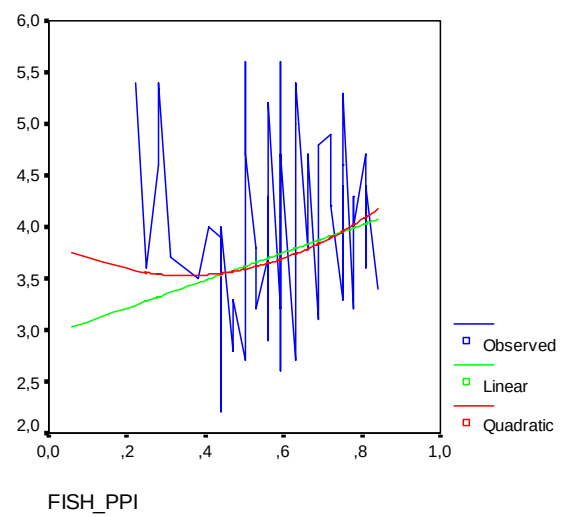
Rule of law

BI - Property guaranties

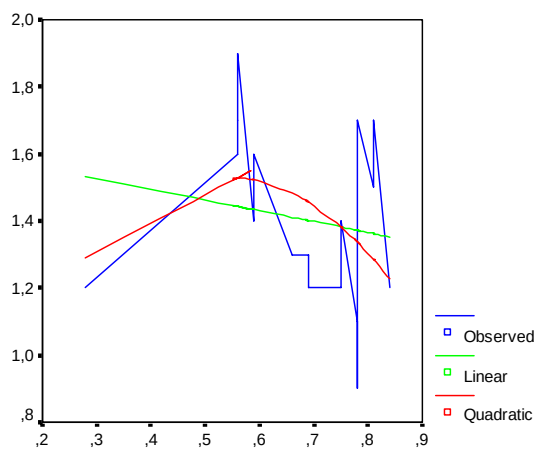
GCI - Institutions

Приложение 4

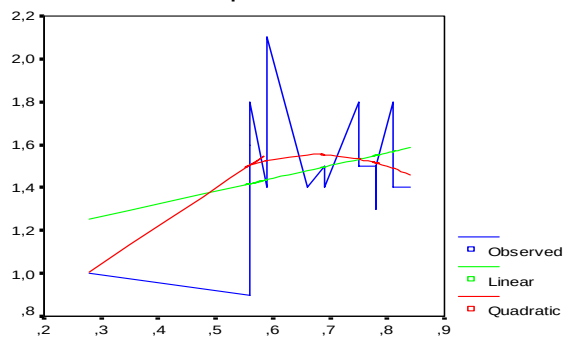
Регрессионные модели на основании отобранных данных. Во всех моделях в качестве предиктора использован Индекс парламентских полномочий Стивена Фиша, а в качестве отклика – исследуемые критерии консолидации

CIVICUS - Stucture

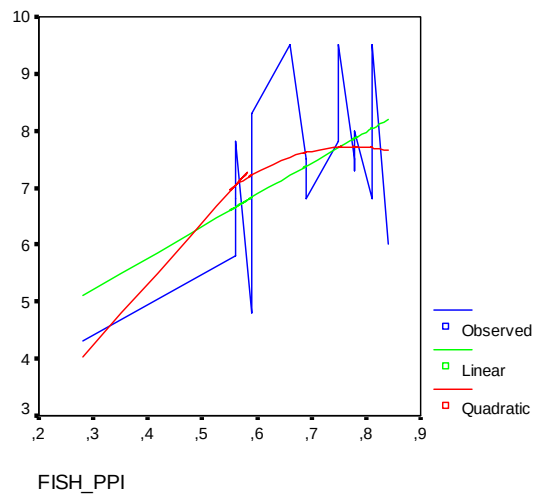
FISH_PPI

CIVICUS - Impact

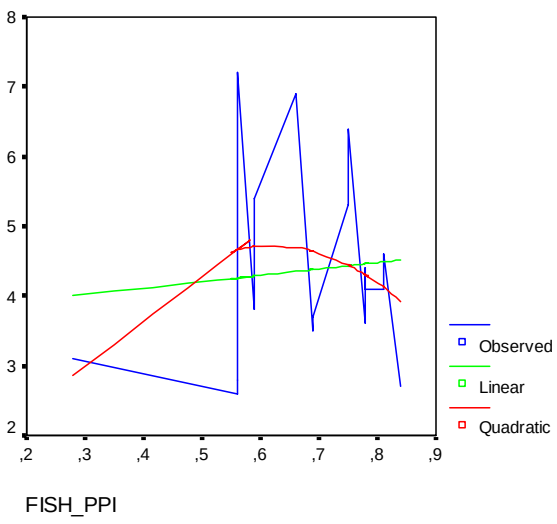

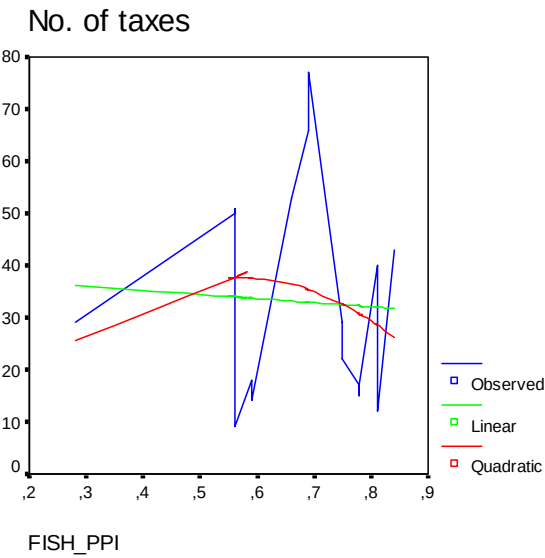
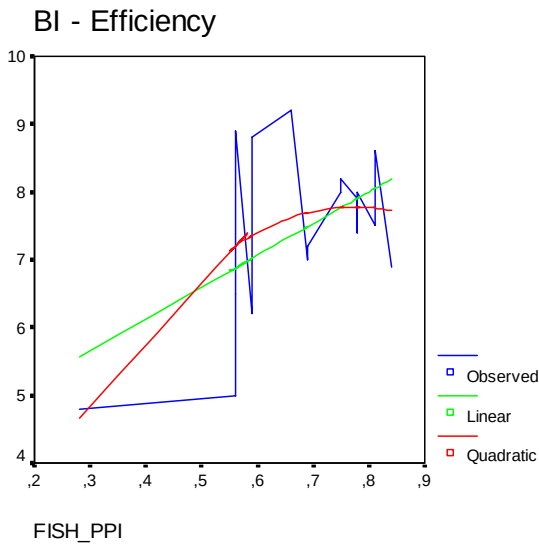
FISH_PPI

BI - Integration

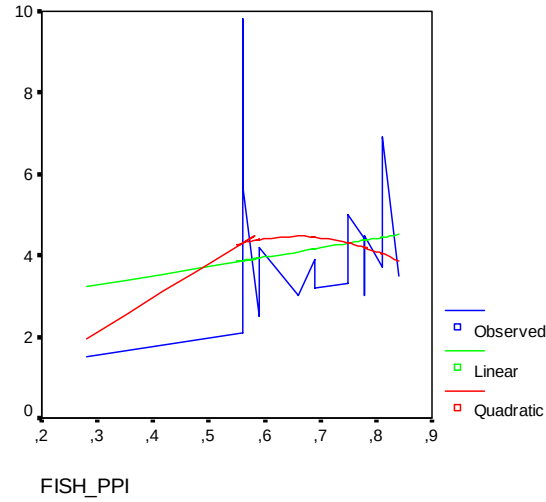

Transparency

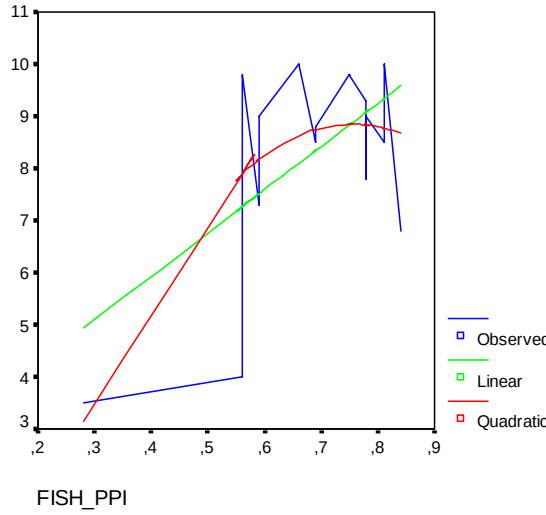

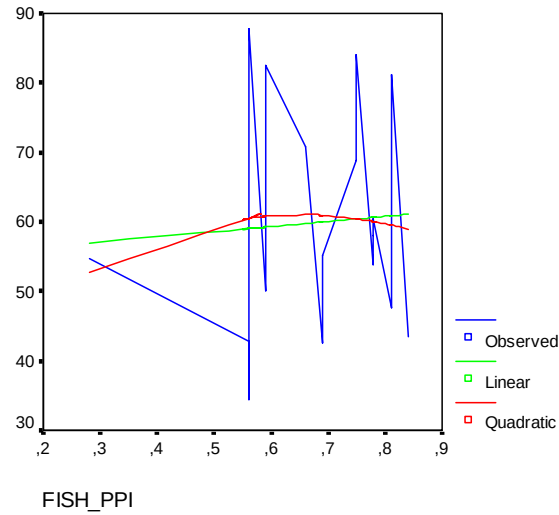
Laakso

BI - Participation

Rule of law

BI - Property

